

Только пришли домой, глядятъ: они все мертвые. Начали его бранить; онъ и говоритъ: «вы бы, говорить, ихъ всѣхъ прежде вымыли, а то, говоритъ, я съ черными не могъ сидѣть!»— Такъ этотъ дурачекъ въ этой деревнѣ жилъ и все такія проказы творилъ.

69.

ОПЯТЬ ДУРАЧЕКЪ.

Жила была вдова; у ней былъ сынъ дурачекъ. Онъ только и дѣлалъ, что въ одну гармонію игралъ. Вотъ ему мать и говоритъ: «что, говоритъ, ты все играешь! Ты бы куда-нибудь бы пошелъ!» — Дуракъ этотъ пошелъ; вышелъ за дворы; его дядя сѣсть, разсѣваетъ хлѣбъ. Вотъ онъ и говоритъ: «дай Богъ упасть, чтобы пропасть!» Вотъ они его ухватили, давай его *таскать*; *оттаскали* его. Приходитъ онъ домой и плачетъ. Мать стала спрашивать: о чемъ ты, сынъ, плачешь?— «Меня дядя *оттаскалъ*; онъ что-это на поле бросаль, я ему сказалъ: «дай Богъ упасть, чтобы пропасть,» онъ и давай меня *таскать*.»— Эхъ, дурачекъ! ты бы сказалъ: зароди Господь на вашу долю и на мою съ вами! — «Ну, я, матушка, пойду, скажу!»

Пошелъ онъ; горитъ деревня. Онъ зашелъ среди пожару и говоритъ: «дай Богъ на вашу долю и на мою съ вами!» Вотъ его ухватили, давай *клочить*. Пришелъ домой, плачетъ. Мать его и спрашиваетъ: что ты, сынъ, плачешь?— «Меня поколотили. Тамъ *что-это* огонь горитъ; я пришелъ, говорю: «дай Богъ на вашу долю и на мою съ вами!» — Экой ты, дуракъ! Ты бы взялъ ведерко водицы, да залилъ бы; они бы тебя похвалили!— «Ну, хорошо, матушка; я пойду, такъ и сдѣлаю!»

Пошелъ. Приходитъ; подъ горой мужикъ свинью палитъ; и у него ведро съ водой стоитъ. Дуракъ ухватилъ ведро и за-

диль у него весь огонь на свинъѣ. Этотъ мужикъ сгрѣбъ его и давай его таскать. Вырвался, бѣжать домой къ матери. Прибѣжалъ, плачетъ. Мать его и спрашиваетъ: что ты, сынъ, плачешь? — «Да все по твоему наученью! Тамъ у мужика свинья горѣла; я прибѣжалъ и залилъ!» — Экой ты дуракъ! Ты бы сказалъ: дай Богъ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресене и мнѣ съ тобой тутъ же. Онъ бы тебя похвалилъ бы! — «Ну, хорошо; я пойду, скажу».

Вышелъ за дворы, подходитъ къ кусточкамъ. Вотъ мужикъ лупитъ кобылу мертвую, околѣлую. Онъ и говорить: «Богъ помочь тебѣ! дай тебѣ Богъ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресене и мнѣ съ тобой тутъ же!» Онъ (мужичекъ) давай его валить (бить). Дуракъ вырвался, бѣжать. Пришелъ домой, плачетъ. Мать и спрашиваетъ: о чемъ ты, сынъ, плачешь? — «Да все по твоей наукѣ; вышелъ я къ кусточкамъ; мужикъ надъ лошадью сидѣть; я ему сказалъ: «дай Богъ тебѣ разговѣться на Свѣтло Христово Воскресене и мнѣ съ тобой тутъ же!» — Экой ты дуракъ! Ты бы взялъ бы плюнуль, отворотился. Онъ бы тебя похвалилъ! — «Ну, хорошо; я такъ сдѣлаю!»

Вотъ онъ пошелъ. Несутъ мертвеца. Онъ взялъ подошелъ напередь; поднялъ крышку и плюнуль мертвецу прямо въ лицѣ. Тѣ (хоронившиe) ухватили его, давай его колотить. Дуракъ бѣжитъ домой; на мать осердился. Мать спрашиваетъ; а онъ не кѣ себѣ (sic!). — За что тебя, дуракъ, били? — «Да вотъ тамъ какую-то чурку несуть. Я взялъ поднялъ крышку, плюнуль.» — Экой ты дуракъ, ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! Они тебѣ дали бы медку. — «Ну, хорошо, матушка! Я пойду, скажу!»

Только идетъ онъ; ёдетъ свадьба. Онъ снялъ шапку, кланяется. «Царство небесное, канунъ и свѣча! А мнѣ дайте медку!» — Они опять давай его таскать: народъ пьяной, разумѣется, тутъ (на свадьбѣ). Вырвался, плачетъ. Мать спра-

шиваетъ его: о чёмъ ты плачешь? — «Вотъ меня, по твоей наукѣ, все бываютъ!» — За что тебя били? — «Вотъ тамъ ъдуть что-это, играютъ пѣсни со звономъ. Я поклонился, сказаъ: царство небесное, канунъ и ладонъ! Они давай меня дутъ.» Мать ему и говоритъ: экой ты дуракъ; это, говоритъ, свадьба ъдетъ. Ты бы сказалъ: дай Богъ добрый часть! — «Что это такое, матушка, свадьба?» — Это, значитъ, женять; теперь одинъ живеть; женятся, станетъ двое. — «Ну, матушка, мнѣ жениться надо!» — Э, дуракъ! у насъ денегъ нѣть! — «А намъ что за дѣло?» — Какъ что за дѣло? Гдѣ жь мы денегъ возьмемъ? — «А вотъ бурую корову за рога (т. е. продадимъ)!» — А чѣмъ же, говоритъ, мы будемъ жить безъ коровы? — «А мнѣ что за дѣло?»

Потешль дуракъ, обраталъ корову за рога, повелъ продасть. Вотъ онъ и ведеть мимо поповыхъ воротъ. Вотъ собака и брешетъ: «гамъ, гамъ!» — Ну, мнѣ все равно, хоть гамъ, говоритъ. Все равно, кому не продавать! — Она свое: гамъ, гамъ! — «Много ли ты дашь?» — Она опять: гамъ, гамъ! Онъ отвѣтчаетъ (говорить) поповой собакѣ: «я меныше тридцати рублей не отдамъ!» Она опять свое: гамъ, гамъ! Онъ думаетъ, что она его просить недѣльку подождать. — «Ну, пожалуй, я недѣльку подожду!» Корову и отдалъ; на дворъ пустилъ; самъ пошелъ домой.

Пришелъ домой; мать его и спрашиваетъ: «что продалъ ты корову?» — Продалъ, матушка! — «Кому жь ты ее продалъ?» — Поповой собакѣ. «За сколько?» — За тридцать рублей. «Гдѣ жь деньги?» — Велѣда недѣльку подождать. — Экой ты дуракъ! гдѣ у поповой собаки деньги? — «А, какія вы! у ней денегъ много.»

Вотъ проходитъ недѣля; дуракъ и пошелъ къ поповой собакѣ за деньгами. Вотъ идетъ собачка, встрѣчаетъ его и лаетъ на него. Дуракъ ей отвѣтчаетъ: «пора деньги отдать. Мнѣ

на свадьбу нужны!»—Она все на него: гамъ, гамъ! А дуракъ думаетъ, что она просить его еще недѣльку подождать. «Какъ же ты? *To* (тогда) просила недѣльку подождать, а тутъ еще просишь на недѣльку. Я тебѣ сказывалъ, что мнѣ деньги нужны на свадьбу!» Дуракъ осерчалъ на нее, бросился за ней; она отъ него на дворъ; онъ за ней. Вотъ онъ давай за ней по двору бѣгать. Она лаетъ на него; а онъ думаетъ, что она опять просить недѣльку подождать. Дуракъ весь осерчалъ на нее; выломилъ коль изъ пряслы и давай за ней съ коломъ по двору, давай *вытурять* (выгонять) ее. Она нигдѣ мѣста себѣ не найдетъ. Выгналъ ее со двора; она умучилась, сѣла на кочку. Этотъ дуракъ съ сердца *запалилъ* (бросилъ) въ нее коломъ; сшибъ ее вмѣстѣ съ кочкой. А у ней тамъ подъ кочкой котелъ денегъ, серебра. Онъ взялъ отсчиталъ себѣ тридцать рублей. —«Эка, говоритъ, сквача! Вотъ ты бы давно отдала мнѣ; за что бы я тебя сталъ бить? Ты сама знаешь, что мнѣ деньги на свадьбу нужны. Я для того и продовалъ ее (корову). И пошелъ дуракъ домой.

Встрѣтился съ нимъ дядя его. «Гдѣ ты, дуракъ, былъ?»—А тебѣ что за дѣло?—«Какъ что за дѣло? Авось, можно сказать!»—Сказать нельзя; ты, пожалуй, унесешь! Я къ поповой собакѣ за деньгами ходилъ!—Дядя плюнулъ. «Дуракъ дурацкое и говоритъ! Какія у поповой собаки деньги?»—Э, у ней что денегъ-то! Котелъ цѣлый! Когда не вѣришь, пойдемъ, я тебѣ покажу!—Повелъ онъ дядю, указалъ ему. Дядя давай эти денежки вѣсть себѣ. А дуракъ пришелъ домой къ матери; приходитъ домой. Мать спрашиваетъ у него: «гдѣ ты, дуракъ, былъ?»—Развѣ ты не знаешь? Къ поповой собакѣ за деньгами ходилъ! — «Что жь, получилъ?» — Получилъ, матушка! — «Много ли?» Развѣ не знаешь сколько? Тридцать рублей. Эка, матушка, она сквача! Тамъ что денегъ-то у ней; я дядѣ указалъ!—«Экой дуракъ! На что жь ты дядѣ указалъ?

Ты бы самъ всѣ вѣсь; а то дядя унесетъ! Нѣ мѣшокъ, ступай неси всѣ деньги, выгребай». Дуракъ пошелъ. Идетъ дуракъ къ котлу. Дядя сидитъ на колѣнкахъ, выгребаетъ золото. Онъ взялъ этотъ коль, которымъ собаку-то гонялъ, прямо дядю по головѣ! — и убилъ до смерти. — «Впередъ не бери мои деньги!» Взялъ всѣ деньги попряталъ въ мѣшокъ; несетъ домой къ матери. «Чтодядя-то не унесъ деньги-то?» — мать спрашиваетъ. — Да я, матушка, его убилъ! — «Экой дуракъ! что ты надѣлалъ!» — А онъ зачѣмъ мои деньги бралъ? — «Нѣ мѣшокъ, поди принеси дядю!» Взялъ мѣшокъ, пошелъ за дядей, пришелъ, посадилъ въ мѣшокъ и принесъ его домой. Мать и вѣгла ему его на верхъ, на избу положить. Онъ и положилъ.

Потомъ мать взяла зарѣзала козла; положила его на избу, а дядю-то спекнула. Дядю положила подъ кровать, въ костирику закопала. Вотъ на другой день дуракъ пошелъ опять на то мѣсто, где деньги выгребъ. Попадаются ему братья двоюродные. «Гдѣ ты, дуракъ, былъ?» — Да вотъ къ поповой собакѣ ходилъ повидаться съ ней! — «Не видаль ли нашего батюшку?» — Какъ не видаль? Я его убилъ еще; а то не видаль! — Они и говорятъ: «дуракъ дурацкое и говоритъ! Что ему вѣрить? Пойдемъ, братъ, домой!» Такъ и ушли домой. На другой день опять смотрятъ: нѣть старика ихняго! — Ужь третыи сутки подходитъ, смотрятъ: все нѣту; все ищутъ его.

Опять у дурака стали спрашивать. «Что, дуракъ, не видаль ли нашего батюшку?» — Вѣдь, я вамъ сказывалъ, что я его убилъ. «Дуракъ дурацкое и говоритъ!» — Ну, когда не вѣрите, пойдемте; я вамъ покажу. — Ухватиль, повелъ ихъ. «Онъ, говоритъ, у меня на потолкѣ лежитъ; я въ мѣшкѣ его принесъ!» Пришелъ домой съ ними. «Ну, братья! полѣземте на верхъ!» — Ну, что намъ тамъ дѣлать? Полѣзай ты, дуракъ! — Дуракъ полѣзъ; влѣзъ туда; и спрашиваетъ у нихъ: «вашъ отецъ съ чѣмъ былъ? съ бородой, что ли?» — Съ бородкой.

говорять. — «Какая у него бородка была, сизенькая?» — Да, говорять, сизенькая! — «А рожки какие у него были? Черненькие, что ли?» — Ну, дуракъ дурацкое и говоритъ. Зачемъ мы сюда пришли? — «Что вы, братья? Право! Хотите, я его вамъ сейчасъ сниму? — А какие у него на ножкахъ копытцы были, черненькия что ли?» — Что, говорять, дуракъ дурацкое и болтаетъ! — Этотъ дуракъ осерчалъ на нихъ, схватилъ этого козла, вмѣсто ихъ отца, и запалилъ (бросилъ) въ нихъ. Тѣ братья испугались, бѣжать! «Дуракъ дурацкое и говоритъ!»

Послѣ мать дядю изъ кострики выкопала; закопала въ яму, а дурака женила; сталъ онъ жить да поживать.

70.

АЛЕША—ТЮКЪ-ТЮРЮ-РЮКЪ.

Жилъ былъ баринъ; у него былъ кучеръ Алёша. Собирается баринъ съ нимъ юхать въ дорогу; поѣхали они въ городъ. Алёша купилъ себѣ калачъ и барину купилъ, 5 к. с. заплатилъ. Завернуль Алёша свой калачъ въ сѣно и юсть. Баринъ у него и спрашиваетъ: Алёша, что ты юшь? — «Я, сударь, сѣно юмъ-съ!» — Выбери-ко мнѣ, Алёша, помельче! — Вотъ Алёша далъ ему сѣна,—онъ и сталъ юсть сѣно.

Вотъ Алеша и говоритъ: «баринъ! поѣдемте съ вами къ моей тещѣ ночевать!» — Алеша пошелъ къ тещѣ къ своей; а барину велѣлъ подъ окно на улицѣ сѣсть. «Вы, баринъ, говорите: Алеша тюкъ—тюри рюкъ, тюрюшеньки!» Алеша пришелъ къ тещѣ. А баринъ сидитъ подъ окномъ, говоритъ: Алеша тюкъ—тюри рюкъ! — Теща и спрашиваетъ: Алеша! что онъ говоритъ? — «Вздуй огня!» Она вздула огня. А баринъ сидитъ, говоритъ: Алеша, тюкъ—тюри рюкъ! Теща и спрашиваетъ: Алеша! что онъ говоритъ? — «Собери поужинать». — А баринъ